

использование экспрессивно окрашенной лексики (Вах, Вах ...и др.), фразеологических единиц, нередко представленных в трансформированном виде.

Анализ газетного материала позволяет утверждать, что в газетных заголовках преобладают предложения с эмоциональной насыщенностью, передающие особенности национального менталитета народа, проживающего в Крыму.

Литература:

1. Винокур Г.О. Культура языка. – 2-е изд. испр. и допол. – М., 1929. – 336 с.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе: некоторые особенности языка современной газетной публицистики. – М.: Изд. Москов. универ., 1971. – 267 с.
3. Костомаров В.Г. Слова-сигналы // Русская речь. – М., 1967. – Вып.8. – С.16-33.
4. Лысакова И.П. Социолингвистический анализ газеты: Конспект лекций. – Л.: Изд. Ленингр. универ., 1983. – 65 с.
5. Ронгинский В.М. Семантическая структура газетных заголовков и проблема их актуализации. – Симферополь: СГУ, 1982.

Поступила 26.08.2004 г.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ УКРАИНИЗМОВ В КРЫМСКОЙ ПРЕССЕ

Т.В. Калугина

В статье рассматриваются региональные особенности включения украинской лексики в русскоязычный публицистический текст.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, публицистический дискурс, украинизм

В статті розглядаються регіональні особливості включення української лексики в російськомовний публіцистичний текст.

Ключові слова: комунікативна стратегія, публіцистичний дискурс, українізм

In the article the regional features of inclusion of the Ukrainian vocabulary in the Russian-language newspaperese text are examined.

Key words: communicational strategy, newspaperese style, Ukrainian word

Газетная речь наиболее быстро реагирует на происходящие в языке изменения. Кроме того, в газетном дискурсе находят отражение интересы и взгляды части крымского населения. «В последнем столетии резко изменилась социальная роль массовой коммуникации: она стала мощным фактором социальной жизни, оказывает сильнейшее влияние на политическую жизнь народов, культурное развитие и отдельных стран, и всего мира» [1, с. 148]. Функционирование украинизмов в прессе привлекает все большее внимание языковедов, однако эта тема требует изучения с учетом региональных особенностей.

Функции украинизмов, вводимых в русский газетный дискурс, Н.Г. Озерова характеризует следующим образом: «... Их использование, с одной стороны, подчинено теме (адекватному изображению украинской действительности, политических, исторических, бытовых реалий), с другой стороны – в диалогической речи – установкой на имитацию непринужденной разговорной речи выходцев с Украины» [2, с. 2].

Цель исследования – определить коммуникативную стратегию использования украинизмов в крымской публицистике. По мнению О.С. Иссерс, речевая стратегия включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана [3, с. 54]. Ф.С. Бацевич дает такое определение: «Стратегія мовленнєвого спілкування – оптимальна реалізація інтенцій мовця щодо досягнення конкретної мети спілкування, тобто контроль і вибір дієвих ходів спілкування і гнучкої їх видозміни в конкретній ситуації» [4, с. 118]. Модель коммуникативного акта включает отправителя (адресанта, источник сообщения), получателя (адресата, реципиента), собственно сообщение с его языковым кодом, канал связи (посредник), обратную связь, коммуникативный контекст, помехи (шумы).

Адресант – журналисты. Адресат – читатели. Канал связи – газеты «Крымское время», «Крымская правда». Языковой код – русский. Включение в него украинизмов является нарушением языкового кода. В некоторых случаях авторы сигнализируют о таком нарушении использованием

кавычек для украинского слова. Обратная связь в массовой коммуникации, как отмечает М.Р. Львов, выражается в поведении людей: на улицах, в голосовании на выборах, в формировании вкусов, в числе других – и литературных, языковых предпочтений [1, с. 25].

По интенсивности воздействия различают дискурс – «обычный разговор» и «персуазивный дискурс». «...Лишь в том случае дискурс следует считать персуазивным, когда он неравноправный, то есть когда попытка воздействия осознанно осуществляется одним из коммуникантов» [3, с.21]. Для политического дискурса характерно использование такой семантической категории, как «свои – чужие». «Разделение на «своих» и «чужих» означает, что, наряду с общечеловеческими ценностями, люди ориентируются еще и на коллективные (государственные, классовые, клановые) ценности – интересы» [3, с. 45]. В этом смысле характерное название одной из статей газеты «Крымское время» (далее – КВ) – «Чужие» (КВ от 22 августа 2003 г.).

Наиболее явно противостояние по национальному признаку выражено в номинациях национальностей. Использование слова «москаль» вызывает в прессе наиболее болезненную реакцию: *Может, они были банальными американскими шпионами, «агентами влияния», ссоря украинский народ с «москалями»?* (КВ от 22 августа 2003 г.). „Великий тлумачний словник сучасної української мови” (далее – ВТС) приводит значение слова «москаль» с пометой *разг.* – «росіянин» [5, с. 541]. Риторическая форма вопроса подчеркивает, что разделение украинского народа и русского – искусственное, чуждое, навязываемое извне, причем конкретно указано – откуда.

Разделение интересов по региональному признаку отражено в «западной» или «восточной» ориентации Украины: *Галичанину себя милее видеть не в Московши, а «східняку» из Донецка или тому же крымчанину вовсе не хочется перенимать привычки австрияка, коими так любитесь львовянин* (КВ от 24 января 2003 г.). Лексическое значение слова *східняк* – «уродженець східних областей України» [5, с. 1222]. Интересно отметить, что слово *східняк* на русский язык дословно не переводится – можно перевести только по значению *житель восточных областей Украины*. Таким образом, в круг «своих» входят крымчане и жители восточной части Украины. Им как «чужие» и, следовательно, чуждые противопоставлены «галичанин», «львовянин», «австрияк».

В политическом тексте на русском языке украинские слова используются, в основном, в негативных контекстах, отражающих противостояние общественных сил. Например, активно используются слова с отрицательной коннотацией в украинском языке: *бійка, гнобили: Морили, гнобили только украинцев?* (КВ от 14 февраля 2003 г.). *Гнобити* – «жорстоко пригночувати, не давати вільно жити; експлуатувати» [5, с. 187]. Как видим, украинизм зачастую включается в определенную синтаксическую конструкцию – риторический вопрос, не требующий ответа. Таким способом автор проводит мысль об общности судеб двух народов.

Общеизвестно, насколько болезнен в восточных регионах Украины языковой вопрос. Естественно, что это нашло широкое отражение в прессе, где зачастую противопоставляются русский язык как родной, но не имеющий статуса государственного, и украинский язык, имеющий этот статус, как *державна мова*. Усиление украинизации в Крыму приводит к напряженности межэтнических отношений, о чем свидетельствует употребление слова *мова* в негативных контекстах: *Кто бы были многие из тех омандаченных господ, которые оплакивают мову, если б они экономикой занимались?* (КВ от 14 марта 2003 г.).

Независимость, по мнению журналистов, также является одной из причин ухудшения уровня жизни и отчуждения от русской культуры, которая была неотъемлемой частью старшего и среднего поколения: *До сих пор за все двенадцать лет незалежности никто из отечественных политиков не обеспокоился серьезным изучением ситуации на полуострове* (КВ от 21 ноября 2003 г.).

Активным процессом является использование штампов украинской прессы в русской, когда автор хочет подчеркнуть отрицательное отношение к описываемой ситуации: *Однако, несмотря на уйму проблем, связанных с этой затеей, в перспективе перед Украиной маячит поощрительная «конфетка»: тот же Марчук уже заявил, что **ненька** могла бы поучаствовать в послевоенном восстановлении Ирака, в частности, в строительстве дорог и нефтебизнесе* (КВ от 7 марта 2003 г.). Слово *ненька* в политической риторике – синоним Украины. Как отмечает ВТС, это слово в одном из значений является ласковым обращением к женщине, преимущественно старой [5, с. 608].

Как чуждые преподносятся также некоторые украинские реалии, например праздник *Злука*. Это слово требует предварительного историко-культурного комментария, который вводится в контекст: *Украинского «мыслителя» подгонял еще один праздник – Злука, или Соборность, а крымчанина – День республики* (КВ от 23 января 2004 г.). Этот праздник называется «навязываемым сверху», так как к истории Крыма (в подтексте – к русской истории) он отношения не имеет: *Причем тут крымский город-герой и день 85-летней давности, когда на Софиевской площади Киева Директория провозгласила «злуку» УНР и ЗУНР?* (КВ от 23 января 2004 г.). Использование слова на украинском языке дополнительно подчеркивает чуждость самого понятия, поэтому перевод дается как комментарий.

Очень важным для самоидентификации является обращение. На страницах крымской прессы часто встречается слово *пан*, по которому сразу можно определить политические ориентации собеседника: *А те удивлялись: оказывается, пан Виктор хочет того же, что и казаки!* (КВ от 21 ноября 2003 г.) *На их фоне особенно издевательски звучат лозунги о строительстве новой Украины – для кого, панове, строим?!* (КВ от 17 января 2003 г.). В самом украинском языке это слово вызывает различные ассоциации. Перечислим значения, приведенные в ВТС: «1. Поміщик у старих Польщі, Литві, дореволюційних України та Білорусії. * У порівн. // перен., ірон., зневажл. Людина, яка вирізняється розбещеною поведінкою, нетрудовими звичками, підкреслено витонченими манерами і т. ін. 2. Той, хто мав привілейоване становище в дореволюційному суспільстві, належав до забезпечених верств міського населення, інтелігенції. // Той, хто має владу над іншими, володар, хазяїн. 3. В Україні та деяких інших країнах – ввічлива форма звертання або називання стосовно бо осіб чоловічої статі... // ірон. Особа, яка не користується в кого-небудь повагою або викликає презирство своєю поведінкою...» [5, с. 701]. В прессе Крыма это слово используется только в ироническом значении.

На основе украинских национально-этнических особенностей может строиться политическая метафора: *В августе на полях Украины зреют еще и гарбузы – такие аккуратненькие тыквочки, которые по осени гарные девчата будут вручать несостоявшимся женихам. До осени – считанные дни. Кто от кого в политике получит гарбуза, скоро узнаем* (КВ от 8 августа 2003 г.). В текст вводится культурологический комментарий, без которого метафора будет не понятна большей части читателей.

Необходимо также отметить, что встречается не только негативное, но и нейтральное употребление украинизмов: если текст не носит политического характера, тип дискурса близок к «обычному разговору» и выбранный вариант представляется автору более удачным по сравнению с русским благодаря большей звучности и краткости. Например, вместо русского слова *яхтсменка*, образованного от *яхтсмен*, используется *яхтарка* (от *яхтар*): *А вообще я феминистка, – признается «яхтарка»* (КВ от 7 ноября 2003 г.). Использование украинского слова помогает избежать стечения согласных в русском варианте.

Изучив случаи употребления украинизмов в крымской русскоязычной прессе, мы пришли к выводу, что в количественном соотношении они преобладают в политической публицистике полемического характера, то есть в персуазивном дискурсе, причем нарушают языковой код для реализации коммуникативной стратегии дискредитации политических идей оппонентов, то есть являются одним из средств политической борьбы. В тех случаях, когда текст не носит политического характера и не несет попытки воздействия, использование украинизмов предопределяется, по-видимому, фонетическими причинами: вариант на украинском языке звучит более красиво по сравнению со словом на русском языке. Подводя итог, необходимо сказать, что выбор языковых средств в массовой коммуникации – дело чрезвычайно тонкое и подходить к нему следует с максимальной осторожностью, чтобы, с одной стороны, не усиливать напряженность в межэтнических отношениях и не размывать границы русского литературного языка – с другой.

Литература:

1. Львов М.Р. Основы теории речи. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 248 с.
2. Озерова Н.Г. Украинизмы в русской газетной речи на рубеже тысячелетий // Русский язык и литература в учебных заведениях. – 2002. – № 5. – С. 2-4.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омский государственный университет, 1999. – 285 с.
4. Бацевич Ф.С. Основы комунікативної лінгвістики. – К.: Видавничий центр „Академія”, 2004. – 344 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови. – К.; Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2002. – 1440 с.

Поступила 29.09.2004 г.